

Музыкальная культура народов России

Научная статья

УДК 398.8 + 781.7

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.188-198

Йойги в контексте свадебной обрядности северных карелов: семантика и особенности функционирования

Вера Анатольевна Швецова¹, Валентина Петровна Миронова²

¹Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова,

г. Петрозаводск, Россия,

vera.shvetsova5@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1876-8432>

²Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

г. Петрозаводск, Россия,

tutkija@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6310-5561>

Аннотация. Статья посвящена *йойгам* как одному из жанров севернокарельского фольклора, маркирующему в традиционной культуре переходные, кризисные ситуации жизненного и календарного циклов и входящему в музыкальный код свадебного ритуала. По содержанию поэтических текстов *йойги* имеют признаки типологического сходства с корильными песнями, распространёнными в фольклоре славянских народов. Недостаточная степень изученности их семантики и функций в контексте свадебной обрядности, а также проблема соотношения поэтических текстов с обрядовыми напевами составляют актуальность работы. Цель статьи заключается в выявлении обрядовых и внеобрядовых функций музыкально-поэтических текстов *йойг* на основе этнографических сведений, изучении этимологии и семантического поля термина. Рассматриваются также особенности функционирования, связанные с их исполнением на напевы свадебных песен. Материалом исследования послужил комплекс опубликованных и архивных текстов и аудиозаписей, фиксация которых была произведена фольклористами и музыковедами по преимуществу в середине XX века.

Ключевые слова: карельские йойги, севернокарельская свадебная обрядность, карельские причитания, свадебные песни рунического типа, севернокарельские свадебные песни

Для цитирования: Швецова В. А., Миронова В. П. Йойги в контексте свадебной обрядности северных карелов: семантика и особенности функционирования // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 4. С. 188–198. DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.188-198

Musical Culture of Russia

Original article

The Joiks in the Context of the Northern Karelian Wedding Rituals: The Semantics and Functioning Peculiarities

Vera A. Shvetsova¹, Valentina P. Mironova²

¹*Petrozavodsk State A. K. Glazunov Conservatory, Petrozavodsk, Russia,
vera.shvetsova5@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1876-8432>*

²*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia,
tutkija@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6310-5561>*

Abstract. The article deals with the joiks as a genre of North Karelian folklore, which in traditional culture marks the transitional, crisis situations in the life- and calendar cycles and is an element of the wedding ritual's musical code. In terms of the poetic text content, the joiks bear a typological similarity to the reprobating (korilnye) songs from the folk music of Slavic peoples. The lack of research on the semantics and functions of the joiks in the context of wedding rituals, as well as on the correspondence between the joik poetic texts and ritual tunes makes this study relevant. The task for this article is to identify the ritual and non-ritual functions of the joik musical and poetic texts based on ethnographic data and the study of the etymology and the semantic field of the term's meanings. Another aspect examined in the article is that of the features of functioning of the joiks when they are performed with wedding song tunes. The material for the study was provided by a set of published and archival texts and audio records made by folklorists and musicologists predominantly in the mid-20th century.

Keywords: Karelian joiks, North Karelian wedding rituals, Karelian laments, runic type wedding songs, North Karelian wedding songs

For citation: Shvetsova V. A., Mironova V. P. The Joiks in the Context of the Northern Karelian Wedding Rituals: The Semantics and Functioning Peculiarities. *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2023. No. 4, pp. 188–198. (In Russ.) DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.188-198

Музыкально-вербальный код севернокарельской свадьбы включает в себя обрядовые жанры — причитания, свадебные песни рунического типа¹ и приуроченные к ритуалу *йойги*². Причитания обеспечивали инициационный переход невесты и были связаны с действиями, ориентированны-

¹ Под свадебными песнями рунического типа здесь понимаются обрядовые свадебные песни, основанные на руническом (восьми-, реже семи-, десятислоговом) аллитерированном стихе.

² Во многих источниках термин имеет написание *ёйга*. В настоящей статье используется транслитерированный термин *йойга* с целью приблизить его к фонетическим особенностям карельского языка.

ми на её локус в предвенечный период, а песни сопровождали собственно свадебные обряды, оформляющие линию контактов родов как в доме невесты, так и в доме жениха [1]. Текстуальный анализ показывает, что песни в основном носили величальный характер. Особое место занимают йойги, которые чаще всего исполнялись в досвадебный период и были обращены к жениху. Они имеют признаки типологического сходства с корильными песнями, входящими в свадебный фольклор славянских народов.

Йойги представляют собой вид музыкально-поэтической импровизации, распространённой у северных карелов³, проживающих на территории современных Калевальского и Лоухского (бывшего Кестеньгского) районов, и западных саами⁴. Их бытование «...ограничивалось, в основном, деревнями вокруг Пяозерати — Топозера и небольшой частью деревень у Верхнего и Среднего Куйто. Южная граница бытования жанра — Ухта»⁵. В Фонограммархиве Института языка,

литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН) хранятся аудиозаписи йойг, сделанные в деревнях Лоухского и Калевальского⁶ районов. Всего в нашем распоряжении имеются 85 текстов, опубликованных в сборнике «Карельские ёйги»⁷ и на одноимённом CD-диске⁸.

До настоящего времени изучению карельских йойг не было уделено должного внимания. Впервые история собирания и публикации описана Н. Лавонен во вступительной статье научного сборника «Карельские ёйги». Здесь же автором была предложена условная тематическая классификация произведений данного жанра, выделены досвадебные, солдатские, бытовые йойги. Отдельную группу занимают йойги, не имеющие определённой приуроченности. Описываемый жанр отличается особым поэтическим языком, специфика которого рассмотрена А. Степановой в самостоятельном разделе указанного издания. Исследователь отмечает, что в йойгах и причитаниях для обозначения основных

³ См.: Швецова В. А. Традиционные музыкально-фольклорные жанры свадьбы северных карелов: обрядовый контекст и структурные особенности: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. М., 2022. 318 с. Настоящая статья основана в том числе на материалах данного диссертационного исследования.

⁴ Музыкально-поэтические импровизации восточных саами, проживающих на территории Кольского полуострова (*кольские саами*) и в Финляндии (*саами колтта*), имеют иные названия: *лывьт, лувт, лавл* («старинная песня без постоянных слов»). См.: Карпова Г. М. Некоторые наблюдения за карельскими йойгами и саамскими лыввьтами // Этническая музыка и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции 25–28 октября 2007 г. Петрозаводск: Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова, 2007. С. 87–89.

⁵ Карельские ёйги / науч. ред. П. М. Зайков; изд. подг. Н. Лавонен, А. Степанова, К. Раутио. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. С. 8.

⁶ В Лоухском районе записи сделаны в деревнях Зашеек, Лахти, Соукело, Ахвенлакши, Софьянга, Рувозеро, Костоваара, Кестеньга, Хейняярви, Елетъярви, Лампахайни, Шапкозеро, Лохлахти, Хирвиниеми, Катослампи. В Калевальском районе записи сделаны в деревнях Ухта, Тихтозеро, Хяме, Алаярви, Латваярви, Толлорека, Аконлакши, Кивиярви. Все материалы хранятся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН.

⁷ Карельские ёйги... С. 50–162.

⁸ Карельские ёйги: [Звукозапись]: 2 CD / сост. В. П. Миронова и др.; ИЯЛИ КарНЦ РАН. Karjalaisia joikuja, 2013.

персонажей используются сходные метафорические формулы⁹.

Карельские музыковеды, в свою очередь, обращались к изучению напевов йойг. Впервые описания их музыкальных особенностей коснулась Т. Коски в статье «Карельские ёйги»¹⁰, написанной совместно с А. Степановой. Объектом специального внимания жанр предстал в статье К. Раутио «О напевах карельских ёйг», вошедшей в вышеупомянутый сборник¹¹. И. Субботиной йойги рассматривались через призму исполнительских особенностей, а также артикуляции в сравнении с причитаниями¹². Изучению йойг с точки зрения их культурной функции и исполнительской специфики посвящены несколько работ карельского этномузыколога С. Николаевой¹³.

Из общего числа опубликованных карельскими фольклористами записей поэтических текстов следует выделить 14 севернокарельских йойг, относящихся к калевальской традиции, в содержании которых отражена прямая связь со свадебным ритуалом (№ 44–57 в сборнике

«Карельские ёйги»¹⁴). Шесть из них — это рукописные тексты, зафиксированные без напевов. К этой группе примыкают 23 текста (№ 1–23 в сборнике «Карельские ёйги»¹⁵), выявленные в разделе кестеньгских досвадебных йойг. Однако не во всех вариантах отражена свадебная тематика.

Прежде чем рассматривать йойги в контексте свадебной обрядности, обозначим основные черты, характеризующие их роль в традиционной культуре северных карелов. Следует обратить внимание на корреляцию номинации жанра с этимологией народного термина *joikua*. В прибалтийско-финских языках за этим глаголом закрепилось несколько значений, которые так или иначе были связаны со способом звукоизвлечения («произносить», «выговаривать», «играть»; «звучать», «звенеть»), а также с манерой исполнения («петь монотонно, однообразно, скучно»¹⁶) или петь в саамской манере («петь, как саами»). В качестве иллюстрации в статье этимологического словаря приведён один пример использования глагола, описывающего необычный звук лодки: *venen nenä joikuu*

⁹ Карельские ёйги... С. 6–55.

¹⁰ Степанова А. С., Коски Т. А. Карельские ёйги // *Soome-ugri rahvaste musikapärändist*. Tallinn: Eesti raamat, 1977. Lk. 307–322.

¹¹ Раутио К. Х. О напевах карельских ёйг // Карельские ёйги... С. 163–178.

¹² Субботина И. Сравнительный анализ принципов артикулирования в импровизационных жанрах карельского фольклора — причитаниях и ёйгах, записанных от одних и тех же исполнителей: дипломная работа. Петрозаводск, 1999. 97 с. Рукопись хранится в библиотеке Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова.

¹³ Николаева С. Ю. Звуковая символика карельских йойг: к проблеме генезиса архаических форм пения // *Голос в культуре: сб. ст. Т. 4*. СПб.: РИИИ, 2013. С. 26–39; Николаева С. Ю. Йойги как феномен культуры северных карелов // *Музыкально-фольклорные традиции Северной Карелии: учебно-методическое пособие для студентов музыкальных колледжей и вузов*. Петрозаводск, 2015. С. 81–90.

¹⁴ Карельские ёйги... С. 117–131.

¹⁵ Там же. С. 58–89.

¹⁶ В этимологическом словаре это значение отмечено как архаичное (!). См.: *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. Osa I. Helsinki, 1992. S. 236.

joutsenenä — «корма лодки поёт (скрипит, звучит?) лебедем»¹⁷.

Отдельно в этимологическом словаре отмечено значение глагола, закреплённое за исполнением песен в саамской манере¹⁸. Вероятно, данное уточнение указывает на бытование подобного рода песен только среди представителей саами. Заметим, что границы проживания саами ранее были значительно шире современных и охватывали карельскую территорию. Свидетельством этому является наличие саамского субстрата в кестеньгском диалекте севернокарельского наречия, а также саамской по своему происхождению топонимии.

В севернокарельском наречии карельского языка (в калевальском, кестеньгском и вокнаволоцком диалектах) также встречается полисемантический глагол *joikua* (русскаяязычный эквивалент — *йойгать*), указывающий на способ звукоизвлечения. В первую очередь, он может обозначать звучание громкого голоса, монотонного пения, то есть характеризовать физическую сторону звука. При этом отмечается, что манера исполнения близка причитыванию. Вторая группа значений глагола описывает пение лебедя, звук металлической струны, звон церковного колокола, мычание коровы и просто необычный звук. Таким образом, глагол указывал на предмет как источник звука. В третью семантическую группу входят значения с оценочным компонентом: «хвалить», «ругать», «благодарить», «клеветать»¹⁹. Отмеченные глаголы опосредованно указывают на одну из функ-

ций анализируемого свадебного жанра — корение жениха.

Синонимами слова *joikua* являются звукоподражательные дескриптивные глаголы *järkkyä* («рокотать»), *vavahtaa* («сотрясаться»), *ulvoa* («выть»), *ammua* («мычать»). Для обозначения словесного компонента и, вероятно, в большей степени припевных или асемантических слов йойги народные исполнители используют термины *kajattelusant* («слова-отзвуки»), *kelkettelysant* («слова звенящие»), *soittoänet* («голоса звонкие/звучащие»)²⁰. Девербатив «йойга» в речи носителей карельского языка отсутствовал, термин был предложен исследователями и в дальнейшем закрепился за названием жанра.

Специфической особенностью йойг является наличие в текстах рефрена — их жанрового маркера, распеваемого на асемантические слоги *joo*, *hoo*, который указывает на звукоизобразительную природу самого термина. Отметим, что асемантические слоги или слова используются в свадебных обрядовых текстах и других финно-угорских народов, в частности удмуртов и мари (см.: [2, с. 145, 146; 3, с. 121]). Попытку проникнуть в загадочную природу йойг карелов и саами предпринял финский исследователь А. Вайсянен ещё в начале XX века. Он предполагал, что рефрен, включающий слоги *joo*, *hoo*, *he*, соотносился в народной традиции со звукоподражаниями голосам птиц и зверей, выполняя в культуре саами и карелов многочисленные функции. Это, по словам Вайсянена, «...и крик, отпугивающий

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. S. 241.

¹⁹ Karjalan kielen sanakirja. Osa I. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1968. S. 504.

²⁰ Карельские ёйги... С. 220.

хищников, и колыбельная песня, и звук, сопровождающий ритуалы»²¹.

Сфера бытования йойг в традиционной культуре северных карелов в конце XIX — первой половине XX века была довольно обширной. Йойгание можно отнести к ритуализованным формам поведения, которые «ориентируются одновременно и на ритуал, и на быт»²². Йойгать могли в лодке по пути на рыбную ловлю, при мытье изб перед Пасхой и т. д.²³.

Одной из типовых ситуаций йойгания являлось отправление молодых людей на воинскую службу и возвращение с неё. Согласно материалам, записанным во время Первой мировой войны А. Вайсяненем, сына, уходящего на войну, «...мать оплакивала с помощью причети, а посторонняя женщина йойгала»²⁴.

Поэтические тексты йойг и плачей, исполняющихся в подобной ситуации, обладают определённым сходством: в них совпадают отдельные мотивы, используются традиционные поэтические приёмы — аллитерация, параллелизм, развитая система метафорических замен. При этом, как указывает А. Степанова, «йойгать», или «выпевать», следовало кого-то, в отличие от причитаний, которые исполнялись *кому-то*²⁵. Таким образом,

большое значение имел именно субъект, который в процессе йойгания, как считалось, подвергался определённому магическому воздействию.

Наиболее распространённой ситуацией являлось исполнение йойг пожилыми женщинами²⁶ по отношению к парням, долго остававшимся холостыми и тем, кто вёл неподобающий для традиционного общества образ жизни: гулял со взрослыми женщинами, обманывал девушек, пил вино, курил и т. п. «Холостое время, пока парень не женат, называют “порой йойгания” (*joijunta-aika*)», «красивой» (*kaunis*), «соколиной порой» (*sokolointa-aika*) и т. д.²⁷ После женитьбы мужчину нельзя было йойгать, но если он становился вдовцом, то вновь превращался в объект йойг. Можно предположить, что йойганье холостых парней (в том числе и вдовцов, которые после потери супруги снова переходили в ранг неженатых) могло быть связано с обрядом поднятия *лемби*²⁸.

В карельской традиции получил распространение обряд ритуальной брани в ответ на совершённые молодёжью обрядовые бесчинства в определённых сакральных пространственно-временных условиях²⁹. Корильный характер йойг также мог быть направлен на улучшение

²¹ Väisänen A. O. Vienan Karjalan jojusta // Aika. № 2. 1917. S. 155–157.

²² Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / сост. Л. Ш. Рожанский. М.: Наука, 1988. С. 53; Байбуурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 19.

²³ Karjalan kielen sanakirja... S. 504.

²⁴ Цит. по: Карельские ёйги... С. 16.

²⁵ Там же. С. 13.

²⁶ Случаи исполнения йойг мужчинами у северных карелов являются редкими, даже единичными.

²⁷ Там же. С. 12.

²⁸ О карельском понятии *lembi*, которое соотносится с русским «славутисть», см.: Иванова Л. И., Миронова В. П. Досвадебная обрядность и свадебный ритуал карелов (конец XIX – первая половина XX в.): исследования и материалы. Петрозаводск: Periodika, 2018. С. 90–189.

²⁹ Там же. С. 134.

внешних и внутренних качеств неженатого мужчины, что в дальнейшем способствовало выбору пары.

Анализ контекста исполнения йойг позволяет предположить, что с их помощью отмечались многочисленные переходные или пороговые ситуации жизненного и календарного циклов. Причём если причитания оформляли инициационный переход невесты, то включение йойг в свадебный ритуал было связано с маркированием инициационного перехода жениха, но посредством не обрядового, а приуроченного жанра.

В некоторых деревнях йойги приурочивались к сватовству или свадьбе, могли исполняться на протяжении предсвадебного периода³⁰. По мнению исследователей, «...женщин специально не ёйгали, но к женской тематике обращались при ёйгании парней»³¹. В йойгах появляется образ матери жениха, которая благословляла сына на сватовство (свадьбу). Зачастую одним из мотивов становилось величание невесты, идеализированный образ которой вырисовывался посредством вопросной конструкции «приходится ли невеста по нраву...».

В содержании поэтического текста йойги было отражено беспокойство, по душе ли придётся выбранная парнем не-

веста «его создавшей» (матери жениха). В других — йойгали жениха, но в тексте упоминались и качества его невесты:

*Toi Timo tiijasen ta
vahva mieheskö varpuselle.
Ei ole työllä tyonnettävyä,
ei ole ruavolla rakennettavua.
Saa olla pikaset pihalla,
orjasetko olkatöillä.
Siitä Timo pahastuve,
kun tämä laulu lauletihe*³².

Привёл Тимо синичку да
сильный мужчина воробушка.
Ни на работу не отправить,
ни дело с ней не сделаешь.
Останутся жеребята на улице,
работники солому убирать.
На это Тимо обиделся,
когда эту песню сочинили³³.

Сведения о ритуальном контексте исполнения йойг на сватовстве и свадьбе довольно противоречивы, а количество записанных образцов, посвящённых свадебной тематике, невелико³⁴. По одним сведениям, йойгали только до свадьбы. Так, перед отправлением на сватовство жениха йойгали такими словами: «Kovorimma myö kolon pohjasen alušša kujin sinusta / vet kuolettelou kumman aijan. / Anna myö hellytelemmä ta skašiksentelemme / kamalan pohjasen kajon ainuota / jotta kavottelou kaunehen aijan» («Поговорим о единственном с северного конца (видимо, деревни), / ведь проводит он необычное время (жизнь). / Попроём мы и порасскажем о единственном из стороны красивой северной, / что утрачивает он свою красивую порушку»)³⁵.

В случае неудачного сватовства жениха йойгали: «Mänimä Oitin oviloihe / ta Vas'ken vatieroihe. / Rupesi Oiti ošualetmah

³⁰ Карельские ёйги... С. 12, 13.

³¹ Там же. С. 14.

³² Карельские ёйги: [Звукозапись]... CD-2, № 16.

³³ Перевод В. П. Мироновой.

³⁴ Карельскими фольклористами опубликованы записи поэтических текстов 14 севернокарельских йойг, в содержании которых отражена связь со свадебным ритуалом. Шесть из них записаны без напевов (№ 44–57). См.: Карельские ёйги... С. 117–131.

³⁵ Карельские ёйги... С. 68–69.

/ tai Vas'ke varakossimah: / En anna utra Ustenieta ta, / enkä korja Kostantjuonua. / Reisi makšau ristiveron, / nänni makšau neitosen, / toini nänni toisen neijon» («Пришли к дверям Ойтти / и в дом Ваське. / Стала Ойтти умничать, / Ваське стал наговаривать: / Не отдам я (жалкий) Устинью, / и, горемычный, Константиновну. / Ноги её стоят рыжую лисицу, / грудь стоит девицу, / другая — вторую девицу»³⁶.

По другим сведениям, полученным в 1980-х и позднее — в 2000-х годах, йойги могли звучать и во время самой свадьбы. Так, в деревне Лаккиярви (Хейняярви) существовал обычай йойгать на свадьбе в доме жениха во время «приводного стола»³⁷ — *tulijäiset*: «Встречают (молодых), так йойгают... Жениха йойгают... А тут и невеста... в избе...»³⁸.

Поэтические образы жениха и невесты, а также родителей и других членов деревенского сообщества изображаются в йойгах при помощи многочисленных метафор или метафорических замен. В текстах содержится положительная характеристика жениха, описывается его внешний вид (*korkievarši* — высокий, *kokkotukka* — кудрявый, *komieumuoto* —

красивый и т. д.): «Anna šoitellen, šotkani šortuovaika šuojaluoman šuorievarta, / kun hänen šuuluni šuorittelou šomasekse solomakertoja / šuululla šuojaluman» («Дай-ка я попою, уточка-нырок в потухающем возрасте, / прибывшему издали-ка со стройным, словно камыш, станом (жених, сваты), / что украшает он собой наши строения»³⁹).

Невеста в поэтических текстах изображается с помощью зооморфных, орнитоморфных сравнений, а также образов мифологических персонажей. Нередко в текстах встречается сравнение невесты с медведем или медведицей⁴⁰: «Привели из глуши лесной медведицу, / медведя с чужих земель. / Вытащили со дна (озера) водяную, / ястреба из-под валежника (коряги)»⁴¹. «Привели медведя из глухого озера / и водяного из воды»⁴². Как известно, сопоставление невесты с образом медведицы встречается в смоленских, белорусских, псковских свадебных обрядовых текстах⁴³.

С помощью подобных поэтических приёмов демонстрируется, что молодая жена — это представитель иного мира, противопоставленного миру жениха.

³⁶ Там же. С. 117.

³⁷ Согласно мнению А. Степановой, высказанному в личной беседе с авторами, йойгать было принято, скорее всего, не во время самой свадьбы, а при посещении невестой дома жениха перед свадьбой. Данный обычай зафиксирован только у кестеньгских карелов.

³⁸ Карельские ёйги... С. 13.

³⁹ Там же. С. 59–60.

⁴⁰ А. Конкка указывает: «Беломорские, и не только беломорские карелы ещё в XIX в. верили, что медведь — это животное “человечьего рода”». См.: Конкка А. П. Несколько тезисов о культуре медведя и «медвежьем карсикко» в финско-карельском пограничье // На плечах Большой Медведицы: избранные статьи (юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. С. 338.

⁴¹ Карельские ёйги... С. 119.

⁴² Там же. С. 122.

⁴³ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 8–9: Быт белоруса. Словарь условных языков. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1912. С. 506; Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1, ч. 2. СПб.: Типография Академии наук, 1890. С. 269.

Отчётливо просматривается оппозиция свой-чужой, характерная и для причитаний, и для текстов свадебных песен. Однако если в свадебных песнях и причитаниях чужой мир — это мир жениха с позиции невесты, то в йойгах, напротив, чужим является мир невесты с позиции жениха. К примеру, в свадебных песнях свёкор, свекровь выступают в образе медведей, волков и т. д., а в йойгах медведицей представляется невеста.

Очевидность связи йойг со свадебным ритуалом в некоторых случаях подтверждается их исполнением с напевами свадебных песен (главным образом, в калевальском субареале). Уточним, что кестеньгские йойги по структуре стиха и напева, как правило, приближаются к причитаниям и относятся к формам нестабильной организации (см.: [4]). По словам информантов, «...ёйгают на ту же мелодию, что и свадебные песни поют»⁴⁴, причём в таких образцах может отсутствовать жанровый признак йойги — рефрен. Но сам процесс исполнения в представлении певца связан с термином *йойгать*. В то же время, по сведениям, полученным в ходе экспедиционных поездок в деревни Лоухского района, свадебная песня *Kokko lenti koillisesta* звучала в оформлении рефрена, характерного для йойги (пример № 1). При этом певица указала вслед за исполнением напева: «Ну, а после этого <...> и поют *jo-hoo-ho*»⁴⁵. В качестве примера приведём свадебную песню и йойгу в исполнении Е. Хямяляйнен⁴⁶ (пример № 2).

Свадебную йойгу Евгения Хямяляйнен исполняет без рефрена, в напеве

Пример № 1
Example No. 1

Фрагмент свадебной песни
Fragment of a Wedding Song

♩ = 120

Kok - ko len - si ko - il - ta il - moin,
koil - ta il - moin al - - ta tai - voin,
len - si kok - ko ik - - ku - nal - la,
kač - čo par - ves - ta pa - ras - [ta].

Пример № 2
Example No. 2

Фрагмент йойги, исполненной
Е. Хямяляйнен на свадебный напев
Fragment of a Joik Performed
by Evgenia Hyamyalyainen on a Wedding Tune

♩ = 88

Toi Ti - mo ti - - ja - sen ta
Привет Тиво мо тивку да
vah - va mie - heš - kö var - pu - sel - le.
сильный мужчина воробушка.
ei o - le työlä - lä työn - net - tä - vää,
Ни на работу не отправит,
ei o - le raa - vol - la ra - ken - net - ta - vaa.
ни дело с ней не сделается.

выделяется лишь начальный период, который содержит отдельные элементы, свойственные напевам йойг: долгий звук в зачине и довольно развёрнутый внутрислоговой распев в середине периода.

В напеве, записанном от Татьяны Фёдоровой, также отсутствует рефрен, характерный для йойг (пример № 3).

Обратим внимание, что в поэтическом тексте этого образца нет прямых указаний на его связь со свадебным ритуалом.

⁴⁴ Карельские ёйги... С. 13.

⁴⁵ Фольклорный архив Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова. Коллекция 118. Основной цифровой фонд. CD 171/32.

⁴⁶ Песня и йойга записаны В. Я. Евсеевым от Е. И. Хямяляйнен в дер. Ухта (Калевала) Калевальского района в 1952 г. (Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. 8/25, 26).

Пример № 3

Фрагмент йойги, исполненной
Т. Фёдоровой на свадебный напев

Example No. 3

Fragment of a Joik Performed
by Tatiana Feodorova on a Wedding Tune

В сборнике «Карельские ёйги» текст помещён в раздел «Прочие ёйги»⁴⁷. Ключевой поэтический мотив этой йойги — обращение к *лембо* (*лемби*) — мифологическому существу, которое в традиционной культуре карелов имело широкий спектр значений: «...от божества любви, связанного с девичьей славой, обаянием, эротической привлекательностью и т. д. до нечистого, злого духа»⁴⁸. Понятие *лемби* «...соотносилось не только с любовной магией, сфера его применения была гораздо шире» [5].

Появляется этот мотив и в других текстах йойг, тоже в качестве зачина, и соотносится, по предположению фольклористов, с мотивами приобщения к роду и неприятия невестки в новом доме. Возможно, поэтому подобные образцы йойг могли исполняться с напевами свадебных песен:

Ой, ты, неведомое озеро Куйтто,
или же песчаное дно нечистого (лембо),
Изнуряешь ты мой стан,
умертвляешь мои руки,
изматываешь мои плечи.
Ой, как круто впрягли в работу,
на тяжёлый труд обрекли

<...>

Я же пою голосом упавшим,
наигрываю голосом сорвавшимся,
хоть и был ладен голос певуны
и красив был голос для распева.
Чепец придавил голос певчий,
сорока подмяла голос игривый...⁴⁹

В заключение добавим, что приуроченные к свадьбе йойги жениха в северокарельской традиции выполняют несколько функций. С одной стороны, они маркируют его инициационный переход, представляя собой отголосок эпохи матрилокальной модели семьи. С другой стороны, йойги, в которых «выпевали» жениха и, косвенно, невесту, могут быть уподоблены корильным песням в ритуале восточных славян. С музыкальной точки зрения свадебные йойги требуют специального исследования, так как в одних случаях они исполнялись с напевами свадебных песен рунического типа (в калевальском субареале), а в других — основывались на ритмических и звуковысотных моделях причитаний (в кестеньгском субареале), входя в сферу традиционной импровизации.

Список источников

1. Миронова В. П. Мотив установления родственных отношений в карельских свадебных рунгах // Вестник урovedения. 2021. Т. 11, № 1. С. 52–62. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-52-62

⁴⁷ Карельские ёйги... С. 159.

⁴⁸ Иванова Л. И., Миронова В. П. Досвадебная обрядность... С. 104.

⁴⁹ Карельские ёйги... С. 152-153.

2. Войтович А. А. Музыкально-фольклорные жанры свадьбы луговых мари // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 1. С. 115–127.

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.1.115-127

3. Нуриева И. М., Корнилов Д. Л. Удмуртская традиционная музыка в историко-культурном контексте // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2. С. 143–149. DOI: 10.15350/26191490.2020.2.15

4. Швецова В. А. Ритмическая организация напевов севернокарельских свадебных причитаний в контексте структурно-типологического исследования // Музыковедение. 2019. № 5. С. 32–47. DOI: 10.25791/musicology.05.2019.642

5. Иванова Л. И. Лемби: понятие и лексические сочетания в «Калевале» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2019. № 1 (13). С. 61–71. DOI: 10.25587/SVFU.2019.13.27298

Информация об авторах:

В. А. Швецова — кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры музыки финно-угорских народов.

В. П. Миронова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

References

1. Mironova V. P. The Motif of Establishment of Relationships in the Karelian Wedding Runes. *Vestnik Ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2021. Vol. 11, No. 1, pp. 52–62 (In Russ.)

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-52-62

2. Voitovich A. A. Folk Music Wedding Genres of the Meadow Maris. *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2023. No. 1, pp. 115–127. (In Russ.) DOI: 10.56620/2782-3598.2023.1.115-127

3. Nurieva I. M., Kornilov D. L. Udmurt Traditional Music in the Historical and Cultural Context. *Historical and Cultural Heritage of the Ural-Volga Region Peoples*. 2020. No. 2, pp. 143–149. (In Russ.) DOI: 10.15350/26191490.2020.2.15

4. Shvetsova V. A. The Rhythmic Organization of the Northern Karelians Wedding Laments in the Context of Structural-Typological Research. *Musicology*. 2019. No. 5, pp. 32–47. (In Russ.) DOI: 10.25791/musicology.05.2019.642

5. Ivanova L. I. Lembi: the Concept and Lexical Combinations in *The Kalevala*. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies*. 2019. No. 1 (13), pp. 61–71. (In Russ.)

DOI: 10.25587/SVFU.2019.13.27298

Information about the authors:

Vera A. Shvetsova — Cand.Sci. (Arts), Senior Faculty Member at the Department of Music of the Finno-Ugric Peoples.

Valentina P. Mironova — Cand.Sci. (Philology), Senior Researcher.

Поступила в редакцию / Received: 06.10.2023

Одобрена после рецензирования / Revised: 24.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.10.2023